

Глава 15

Восьмой день двенадцатого месяца. Праздник Лаба, Фестиваль Сокровищ Дхармы.

Зимний рассвет едва брезжил, на улицах гулял колючий ледяной ветер, а Нин Ли ещё нежился в тёплой постели, досматривая сладкие сны. Но покой его длился недолго: сквозь дрему он услышал, что в дом кто-то ломится.

— И слышать ничего не хочу. Пусть ждёт, — зевнул он, натягивая одеяло по самые уши. — Я ещё не выспался...

Кое-как поднявшись и наскоро приведя себя в порядок, Нин Ли вышел в залу. Там его уже поджидал молодой гость, с праздным любопытством рассматривавший карликовую сливу в горшке. Услышав ленивые, шаркающие шаги, юноша резко обернулся и тут же затараторил:

— Ну наконец-то! Сколько можно дрыхнуть? Я тебя целую вечность жду, солнце уже высоко!

Нин Ли, всё ещё щурясь от утреннего света, сонно пробормотал:

— Да что стряслось? Явился ни свет ни заря, честным людям покоя не даёшь.

Ян Цинли смущённо почесал затылок:

— Так ты же сам сказал: если не приду, ты из усадьбы носа не высунешь... Идём же, идём! До храма Фэнчун путь неблизкий, растрясись успеем.

«Храм Фэнчун?» — мысленно переспросил Нин Ли.

Это же на другом конце Цзянье, совсем в стороне от загородной усадьбы Таншань!

Он смутно помнил очертания здешних мест. Окрестности Цзянье славились обилием древних святынь — купола и пагоды тянулись нескончаемой вереницей. На самой горе Таншань высилось несколько обителей, но среди них точно не было никакого храма Фэнчун.

— Я же в шутку сказал, а ты и вправду примчался! — с укором вздохнул Нин Ли.

— А как иначе? — Ян Цинли ухватил его за рукав. — В столице я ведь только тебя и знаю, больше и позвать-то некого. Ну пойдём, сегодня же Лаба! Оцени мою преданность — прибежал в такую рань. Нин Ли, Лили, ну милый мой А-Ли...

— Стой-стой-стой, замолчи немедленно!

От этой приторной скороговорки у Нин Ли голова пошла кругом. Он сердито прикрикнул на друга, а заметив, что тот готов окончательно заканючить и пустить в ход все свои капризы, поспешно отрезал:

— Да отпусти ты меня! Будешь зубы заговаривать — вообще никуда не поеду!

Ян Цинли тут же послушно разжал пальцы, но всё же с опаской уточнил:

— Значит, договорились? Едем?

— Едем, едем, — прочал Нин Ли.

О том, чтобы скакать верхом, не шло и речи. Нин Ли едва заставил себя выползти из-под тёплого одеяла и меньше всего желал подставлять лицо ледяному зимнему ветру.

Погода, на удивление, выдалась чудесной: небосвод сиял безупречной лазурью, без единого облачка. Прижимая к груди узорчатую медную грелку с тлеющими углями, сонный Нин Ли забрался в экипаж. Но шло время, а внутри, кроме него, никого не прибавлялось.

— Цинли, ты чего там застрял? — окликнул он друга.

Ян Цинли встрепенулся, точно очнувшись от сна:

— Так ты в экипаже поедешь? А я думал, верхом быстрее выйдет...

— Хочешь мёрзнуть в седле — пожалуйста, — буркнул Нин Ли. — А я пас.

— Ну, тогда и я с тобой.

Юноша с весёлой ухмылкой запрыгнул внутрь. Оказалось, что в экипаже царило приятное тепло, а убранство поражало изяществом. Когда лошади тронулись, маневренная повозка покатила на удивление плавно, почти без тряски, что заставило гостя удивлённо присвистнуть.

— Какая дивная повозка! И как только мастера умудрились так её сконструировать...

— Я в механике не силен, у меня не спрашивай, — отозвался Нин Ли. — Если так любопытно, могу велеть слугам разузнать у каретников.

— О, сделай милость!

— И всё же ты так и не объяснил, зачем нам спозаранку тащиться в этот Фэнчун. На нашей Таншань полно монастырей, чем они тебе не угодили?

— Да я же говорил тебе вчера, неужто забыл? — отозвался Ян Цинли. — Я разузнал у знающих людей: на Лаба бесплатную кашу раздают повсюду, но самая вкусная — именно в храме Фэнчун, это настоящая гордость Цзянье. У нас в Сюйчжоу такого обычая нет, а раз уж я выбрался в столицу, то просто обязан поглядеть на такое диво!

«А, каша Лаба...» — лениво подумал Нин Ли и озвучил очевидное:

— Велел бы своим поварам сварить, делов-то.

— Ну как можно сравнивать домашнюю стряпню с монастырской! К тому же я сам варить не умею, да и кулинарная слава храма Фэнчун гремит на всю округу. Неужели тебе самому не любопытно?

Нин Ли отчеканил без малейшего промедления:

— Ничуть.

Ян Цинли поперхнулся и уставился на него с немым укором.

— Хочешь не хочешь, а придётся составить мне компанию, — фыркнул наконец он. — Я зря, что ли, спозаранку из постели вылезал?

За лёгкой болтовней и беззлобными препирательствами они и не заметили, как экипаж миновал городские ворота Цзянье. В праздничный день улицы бурлили. Народу высыпало столько, что яблоку негде было упасть: праздные гуляки теснились плечом к плечу, повсюду шныряли весёлые стайки детворы.

Отовсюду доносился звонкий смех, зазывалы наперебой выкрикивали свои предложения. Экипаж задолго до храма Фэнчун замедлил ход, а вскоре и вовсе встал.

Дорогу впереди запрудила бесконечная очередь из мужчин, женщин, стариков и детей.

Нин Ли вышел из экипажа и, обернувшись, так и застыл с немым вопросом на лице. В руках у Ян Цинли невеста откуда появились две глубокие плошки.

— Это ещё зачем?

— Хоть монахи и раздают угощение даром, посуду нужно приносить свою, — заговорщически подмигнул Ян Цинли.

Он кивком указал на толпу. Действительно, каждый в очереди сжимал в руках какую-нибудь тару: у кого-то были грубые глиняные чашки, у кого-то — изящный фарфор или простые деревянные пиалы, а один предприимчивый горожанин притащил с собой целый таз.

Ян Цинли придвинулся ближе и зашептал на ухо другу:

— Глянь на того пройдоху с лоханью. Бьюсь об заклад, монахи ему и половины не нальют!

— Ошибаетесь, молодой барин! — раздался рядом добродушный женский голос. — Спорим, он уйдёт отсюда с полным тазом?

Нин Ли обернулся. Пожилая горожанка, явно подслушавшая их разговор, с улыбкой пояснила:

— Наш настоятель — человек святой души, он никогда не скупится. В день Лаба всякому позволено не только самому досыта наесться, но и взять гостинец для домашних. Бодхисаттвы в нашем храме Фэнчун милосердны, у них на всех щедрости хватит.

— Скорее уж у них просто самые богатые амбары, — тихонько пробормотал Ян Цинли.

— Ш-ш-ш! — зашипел на него Нин Ли. — Даже если ты так думаешь, помалкивай!

И то верно — на них уже начали неодобрительно коситься стоящие рядом паломники.

Они скромно пристроились в хвостик очереди. Людской поток двигался на удивление проворно, и вскоре друзья оказались у больших чанов с дымящимся варевом. Молодой послушник с приветливой улыбкой зачерпнул каждому по полной миске густой, ароматной каши. Насыщенный пар поднимался над жёлто-бурой смесью из отборных злаков, куда щедрой рукой были насыпаны грецкие орехи, кедровые семечки, сушёные грибы, вяленая хурма, просо, каштаны и бобы — знаменитая каша семи сокровищ и пяти вкусов.

Ян Цинли тут же зачерпнул ложку, попробовал и блаженно зажмурился. Заметив, что Нин Ли лишь безучастно разглядывает свою порцию, он удивлённо спросил:

— Ты чего не ешь? Остынет же!

Нин Ли напустил на себя чрезвычайно важный вид и изрёк:

— Заклинатели меча не едят пищу буддийских монахов.

Ян Цинли едва не поперхнулся от такой наглости:

— Заклинатели?! Да ты хоть раз в жизни настоящий меч в руках держал, праведник недоделанный?

Нин Ли высокомерно вскинул подбородок, собираясь подтвердить свои слова, но Ян Цинли грозно сверкнул глазами:

— Живо ешь! Терпеть не могу, когда переводят продукты.

«Против лома нет приёма», — уныло подумал Нин Ли.

Он не сомневался: начни он и дальше упрямиться, этот несносный южанин мигом приставит к его горлу свою бамбуковую свирель-лушэн. Испытывать на себе сокрушительную звуковую магию молодого вождя у Нин Ли не было ни малейшего желания.

— Насильно мил не будешь, — проворчал он себе под нос, неохотно поднося ложку к губам.

Ян Цинли, стоявший вплотную, расслышал его бурчание и упрямо вскинул голову:

— Ещё как будешь! Ешь давай.

Под бдительным, как у голодного ястреба, взглядом друга Нин Ли сделал пробный глоток.

— Ну? — нетерпеливо выпытывал Ян Цинли.

— Хм... А ведь и правда недурно.

Конечно, по изысканности вкуса это простое монастырское варево уступало деликатесам, которые готовили повара в его усадьбе. И всё же на морозе, посреди бурлящей праздничной толпы, обжигающая каша казалась необычайно вкусной. Сочетание сушёной хурмы, каштанов и кедровых орехов дарило непривычное, но приятное послевкусие — подобных блюд Нин Ли не пробовал уже очень давно.

— Молодой господин, не хотите ли засахаренного боярышника на палочке?

Ян Цинли обернулся на голос. Двоих неизменных спутников Нин Ли он успел хорошо запомнить. Круглолицый весёлый слуга, совсем ещё мальчишка, звался Сяо Цзи. Второй же был иноземным телохранителем — рослый мужчина с вьющейся копной каштановых волос и пронзительно-синими глазами по имени Лингуан.

Сейчас взгляд Сяо Цзи намертво прикипел к соломенной связке торговца сладостями.

— Сдаётся мне, это не твоему хозяину лакомства захотелось, а тебе самому! — со смехом разоблачил его Ян Цинли.

Сяо Цзи ничуть не смутился дружеской подначке и умоляюще уставился на Нин Ли:

— Господин...

— Ладно тебе, беги бери, — шутливо отмахнулся Нин Ли.

Слуга радостно взвизгнул и припустил к лавке. Обрато он вернулся с охапкой ярких шпажек. Кисло-сладкие красные плоды боярышника под янтарной корочкой застывшей карамели соблазнительно поблёскивали в лучах неяркого зимнего солнца.

Покончив с кашей, они двинулись дальше вдоль улицы.

— Угощение в Фэнчун отменное, спору нет, — взахлёб тараторил Ян Цинли. — Но если хочешь увидеть настоящую праздничную ярмарку, надо идти к храму Цзяньчу! Это ведь первейшая обитель во всём Цзяньдуне. Говорят, сегодня там устроили невероятное представление!

Нин Ли невольно округлил глаза:

— Мы ещё и в храм Цзяньчу потащимся?

— Разумеется! — безапелляционно заявил южанин. — Раз уж я вытащил тебя сегодня, изволь подчиняться моей воле.

Нин Ли сокрушённо вздохнул:

— Вот оно что... Значит, твой утренний визит изначально был ловушкой с двойным дном.

Ян Цинли весело прищурился:

— И слышать ничего не желаю! Я мёрз на ветру, вызволяя тебя из сонного царства, так что теперь долг платежом красен. Изволь выполнять обещание!

Храм Цзяньчу располагался в окрестностях Чанганьли, прямо посреди знаменитого Квартала

Будды. Это место по праву считалось сердцем столичной духовной жизни.

По случаю праздника площадь перед монастырскими воротами превратилась в бушующее море людей. По обе стороны дороги теснились лоточники со всевозможной снедью, а за ними раскинулись балаганы бродячих артистов. Чего тут только не было: искусные глотатели клинков, бесстрашные трюкачи, прыгающие сквозь огненные обручи, силачи, раскалывающие молотом валуны на собственной груди... Шум и гам стояли невообразимые.

Ян Цинли так и вертел головой, высматривая забавы:

— Смотри, там мечут стрелы в кувшины! Пойдём сыграем?

Нин Ли окинул его скептическим взглядом:

— Ты? Будешь метать стрелы здесь? Побойся богов, не разорь несчастного торговца.

Если бы молодой вождь взялся за игру всерьёз, хозяину аттракциона пришлось бы отдать ему все призы до единого.

Ян Цинли смущённо кашлянул и пробурчал:

— Ну... я же могу не использовать истинную ци.

Наконец-то Нин Ли представился случай поквитаться за утреннее пробуждение. Он победно сощурился, глядя на друга.

Ян Цинли понурил голову, а Нин Ли так и расцвёл от гордости. Позади них тихонько прыснули в кулак верные телохранители.

Впрочем, Ян Цинли унывал недолго. Он снова завертел головой и вдруг просиял:

— Гляди-ка, там кукольный театр! Давай посмотрим?

У обочины дороги высился просторный парусиновый навес, вокруг которого теснилась толпа. Только благодаря отменному зрению Ян Цинли удалось разглядеть затылки зрителей и марионеток на помосте. Когда они только прибыли в Цзянье, то уже пытались сходить на представление, но тогда опоздали, а сегодня удача сама шла в руки.

Юноша был уверен, что Нин Ли с радостью ухватится за это предложение, однако наткнулся на холодный отказ.

— Кукольный театр? — лениво протянул Нин Ли. — Неизвестно ещё, какую пьесу они дают. Если сценарий окажется скучным, только время зря потеряем. Не хочу.

Ян Цинли перебрал ещё добрый десяток развлечений, но на любое предложение Нин Ли лишь качал головой с полным равнодушием. Это невольно заставило молодого вождя призадуматься. Другой на его месте давно бы вспылil: договорились же повеселиться, к чему эти капризы? Но Нин Ли обычно не отличался заносчивостью или дурным нравом.

Вглядываясь в поблѣкшее лицо друга, Ян Цинли понял: тот бродил по ярмарке лишь тенью. Тело его шло рядом, но мысли витали где-то невообразимо далеко, словно от юноши осталась лишь красивая, но безжизненная оболочка.

Внезапно Ян Цинли остановился и негромко произнёс:

— Кажется, теперь я понял, чего тебе не хватает.

Нин Ли недоуменно приподнял бровь:

— М?

— Жаль, что здесь не найти... — вздохнул юноша. — Настоящей пипы из Шачжоу, под которую танцуют неистовый хусюань, или заунывной флейты-цянди под бледной луной. Услышь ты родные напевы, у тебя бы мигом поднялось настроение.

Нин Ли замер, не ожидая от ветреного приятеля такой чуткости.

— Тоскуешь по дому? — мягко спросил Ян Цинли.

Нин Ли не думал, что его уныние так легко разгадают. Скрывать очевидное не имело смысла, и он тихо признался:

— Да... есть немного. А ты разве нет, Цинли?

Ян Цинли отправил в рот сладкое пирожное и горько усмехнулся:

— Отчего же, тоскую. Только толку от этих мыслей? Дорога назад для нас всё равно закрыта.

Их судьбы походили друг на друга как две капли воды. Один происходил из могущественного клана Нин из Шачжоу, другой — из непокорного клана Ян из Суйчжоу. Оба были единственными сыновьями в своих семьях, и обоих отправили в столицу в качестве заложников, призванных гарантировать верность окраинных земель.

Вот только...

Ян Цинли невольно вздохнул, вспомнив об их истинном положении. Ему самому по крайней мере уже посчастливилось предстать перед светлыми очами государя. А вот Нин Ли... Поговаривали, он чем-то немилосердно разгневал Его Величество. Император ни разу не призвал его во дворец, словно юноши вовсе не существовало, превратив его в живого призрака, о котором все предпочли забыть.

Но бередить чужие раны посреди праздничной толпы было бы жестоко.

— Ладно, выше нос! — Ян Цинли хлопнул друга по плечу, силой разгоняя набежавшую грусть.
— Пойдём лучше поглядим на фокусников!

В его душе зашевелилось искреннее, глубокое сострадание к товарищу по несчастью.

Он лишь надеялся, что этот несправедливый опальный удел не слишком сильно ранит гордое сердце Нин Ли.

<http://bllate.org/book/20087/2001856>